

Из прошлого

Александр САВЕЛЬЕВ

Москва

Александр Александрович Савельев родился в 1954 году в Москве. Бывший: матрос-радиот, студент МАИ, конструктор авиационного КБ, работник энергетики, технический директор частной фирмы. Проживает в Москве.

АЛЛЕЙКА

*Аллеи шёпота уж больше нет...
Дороги новые судьба открыла
И радугу мечтаний подарила,
Оставив след в душе на много лет.*

Александр Савельев

– Вот, вот... разбежался, сейчас... сейчас взлетит... смотрите... оторвался! – возбуждённо выкрикивал кто-то из зрителей, стоя в толпе у лифтовой площадки верхнего этажа нового здания КБ и комментируя события на взлётной полосе. Все захлопали в ладоши и радостно заулюлюкали... Так народ провожал своё очередное детище, созданное огромным коллективом предприятия имени С. В. Ильюшина.

В тот день, с самого утра, завод празднично лихорадило. Публика ждала взлёта с аэродрома Ходынского поля опытного образца самолёта «Ил-86», который надлежало перебросить за город в испытательный комплекс. Поднять такую махину в столице было далеко не просто. Чтобы лучше рассмотреть проводы могучего гиганта, в создание которого каждый из них внёс частичку своего труда, большинство работников в эту минуту постарались расположиться как можно выше, включая даже и крыши некоторых заводских зданий.

После того, как машина благополучно взмыла в воздух и, блеснув на солнце алюминием обшивки, ушла за горизонт в сторону Жуковского, народ начал потихоньку расходиться по своим местам, радостно переговариваясь и обсуждая долгожданный взлёт. Среди тех, кто провожал сей замечательный аэробус, был и молодой конструктор одного из отделений большого заводского КБ.

При поступлении – после школы – на дневное отделение МАИ ему не хватило одного балла, и выпускник перевёлся на вечернее отделение филиала института, где того количества баллов оказалось достаточным. Филиал МАИ обслуживал ряд авиационных предприятий, в том числе и ильюшинский завод, на котором трудились родители абитуриента и работником которого стал и он (при их содействии). Специальность чертёжника-конструктора, полученная при окончании удивительной школы в районе «Головино» (практиковавшей параллельное двухгодичное обучение своих подопечных в спецкомбинате на Соколе), позволила юноше попасть в КБ легендарного завода. Работа в этом замечательном бюро – с перерывом на службу в армии – продлилась около девяти лет, пока судьба не увела молодого инженера в энергетику.

Несмотря на плотный жизненный график, они с сокурсниками несколько не унывали, совмещая работу с учёбой по вечерам. При этом вечерники ухитрялись находить время (прогуливая порой кое-какие лекции) ещё и для других, сопутствующих возрасту, занятий и развлечений. Конструктору, например, удалось закончить автошколу при за-

воде и получить водительские права... Потому что были молоды, полны энергии и счастливы!

Стоя тогда на балконной площадке, молодой конструктор вместе со всеми радовался неординарному событию в жизни предприятия. Впоследствии подобные опасные перелёты запретят. Ильюшинские гиганты будут перевозить с завода в полуразобранном виде на тягачах, по ночам, временно снимая на Ленинградском проспекте мешающие проезду электрические провода.

Через много лет взлётные просторы Ходынского поля, используемые сразу несколькими расположенными вокруг авиационными заводами (в том числе и тем, где работал слесарем один из его друзей, клекая серийные МиГи), будут заняты неуёмной всепоглощающей жилой застройкой. Безвозвратно исчезнет и знаменитая парковая аллея с классическими скамейками, что тянулась своим уникальным зелёным тоннелем из лип и декоративных кустарников посередине Ленинградского проспекта, от метро «Сокол» до «Динамо». Народ с удовольствием посещал её уютные места, прогуливаясь, отдыхая, назначая встречи или просто пересекая и проходя по милым тенистым дорожкам. В числе таковых посетителей ежедневно оказывался и молодой работник, спеша из метро на завод и обратно; а также – его знакомые, друзья по пионерскому лагерю, сокурсники, коллеги по работе – все, кто, так или иначе, имел отношение к заводу, институту и тем местам...

В дни ноябрьских и майских праздников на Ленинградском проспекте устраивались народные гулянья, в связи с чем перекрывался проезд транспорта по его центральной части на отрезке от «Динамо» до «Белорусской». Людской поток плавно перетекал из аллеики на широкий простор проспекта, где частенько устанавливали сцены-помосты для выступления артистов. Обычно их размещали напротив красивейших – уникальной кирпичной кладки – зданий знаменитой фабрики «Большевик» (бывшей «Сиу»). В старые времена в её цехах работали предки конструктора (кажется, тётка его бабушки). В их семье до сих пор хранятся старые серебряные и золотые часы, наверняка из тех, которыми по давней фабричной традиции награждали работников, проработавших на предприятии соответственно 15 и 25 лет. По рассказам, его отец любил приходить в дом родственников на 2-й Брестской улице, где мальчишку всегда угощали шоколадным ломом, складированным в большущем самоваре (брак работникам фабрики разрешали забирать домой).

В свой отдел, занимающийся внешним оформлением салонов ильюшинских машин, конструктор спустился пешком по лестнице, не дожидаясь лифта, который в это время всё равно был перегружен многочисленными участниками торжественных проводов. До обеда оставалось ещё немного времени, и молодой человек решил поднажать, чтобы поскорее закончить комплект чертежей одной из перегородок правительственного салона лайнера «Ил-62М».

Сроки работ, распределяемых в отделе на месяц, уже поджимали, и следовало ускорить их выполнение. Тем более, что начальник подбросил ему ещё часть чужого задания – по багажным полкам или оконным панелям, уже не помнится точно, – приостановленного из-за болезни исполнительницы, сотрудницы средних лет дородной комплекции. (Которая – по причудам судьбы – была вожатой в заводском пионерлагере в бытность студента пионером, а через полтора десятка лет они стали работать в одном отделе и как-то летом отбывали совместную командировку, внося изменения в документацию на серийном заводе в Воронеже.)

Но главное – предстояла ещё одна интересная, необычная, но чрезвычайно щекотливая и трудоёмкая работа с его участием по созданию небывалой, громадной пепельницы (размером со средний арбуз), которую надлежало вмонтировать в салонную мебель крылатой машины по очередному спецзаказу министерства обороны.

Художники их КБ, учтя пожелания главного пассажира того салона относительно габаритов данного изделия, быстро «выплеснули» его в на-

туральную величину на лист ватманской бумаги (со всем своим особенным волшебным видением). Данное художество, выполненное одухотворённым маэстро в виде красивой разноцветной картинке с эффектно наложенными тенями и плавно – без всякого намёка на цилиндрические поверхности – изогнутыми в свободной манере лекально-кривыми обводами краёв, обязано было воплотиться конструкторами в реальную сборочную единицу. Изделию надеялось иметь корпус, откидную крышку с пружинным механизмом и петлями, съёмную полированную накопительную ёмкость из нержавеющей стали со всеми их деталями и сопутствующими чертежами с (конкретными) размерами и допусками, включая радиусные скругления... Причём воплощённая из картинке конструкция – по возможности – должна была свести к предельному минимуму количество критических усмешек и нелицеприятных слов со стороны многочисленных технологов и цеховых исполнителей по поводу данного шедевра, выполняемого с помощью дорогостоящих пресс-форм в единственном экземпляре!

За работой время проскочило незаметно. Настала очередь обеденного перерыва. В заводской столовой кормили неплохо. Молодой специалист взял заманчиво поблёскивающий свежим постным маслом разноцветный винегрет, половинку тёмно-розового борща с пампушками, румяный шницель с картофельным пюре и зелёным консервированным горошком, пирожок с капустой и стакан традиционного компота из сухофруктов, заплатив за всё меньше рубля.

После обеда конструктор забежал в деревянный цех, где работали его приятели: товарищ по пионерскому лагерю – модельщиком, и сокурсник по институту – токарем (последнего, к сожалению, уже нет в живых, а его презент – тоже пепельница, но, выточенная на станке из берёзового кружляка с естественной красотой коры, – памятно хранится на даче конструктора). Ребята поболтали в курилке, обсуждая нюансы необыкновенного взлёта...

Курили на заводе только в специально отведённых местах. В КБ бытовала шутовская байка о том, что, якобы, знаменитый лётчик-испытатель, дважды герой Советского Союза, Владимир Коккинаки, как-то при очередном посещении завода, закурил в запрещённом месте. Сопровождающий высокого гостя директор извинился и, помявшись, сообщил, что у них тут на территории работники не курят... В ответ лётчик глубоко затянулся и, усмехнувшись, произнёс незабвенную фразу: «Ты бы их ещё и есть отучил...».

Навестив ребят и предупредив сокурсника о том, что на первую пару в институт вечером не придёт, конструктор покинул курилку деревянного цеха, попив по пути на выходе бесплатной газировки из специального аппарата; вернулся в КБ, поднялся к себе на этаж и успел ещё сыграть партию в настольный теннис в холле перед лифтом, где молодёжь всегда в обед спешила занять очередь в игре двое на двое.

Остаток рабочего дня парень провёл за кульманом. Это сейчас компьютерной молодёжи уже не надо водить грифельными карандашами разной твёрдости по листу пергамента, а тогда... Покончив с перегородкой, он отнёс комплект её чертежей на проверку в нормоконтроль, подписал к технологам и, наконец, приступил к таинству над чудо-пепельницей, отложив работу болеющей сотрудницы на потом.

Как и в любом коллективе, работники КБ общались между собой. Сидя за столом или стоя за кульманом, коллеги переговаривались по работе, а также делились семейными новостями, иногда пошучивали...

Вот и тогда один из ветеранов отдела – седой, худощавый старичок небольшого роста, ведущий конструктор, пенсионер – в очередной раз рассказывал о небольшом событии из своей семейной жизни. Ранее он уже с грустью жаловался сотрудникам на «несносное животное», заведённое его молодёжью для малолетнего внука, проживающего в квартире деда.

Им оказался хомячок, который бегал почему-то по всему дому уважаемого ветерана и, естественно, грыз всё, что попадалось ему под лапу,

вернее, под зуб. Так, зверёк уже испортил, затаскив к себе в клетку, оставленный висеть на стуле любимый галстук ведущего конструктора, в котором тот ходил в КБ уже не одну пятилетку, подгрыз ножки мебели, а также постоянно везде гадил и распространял по квартире неприятный запах...

Но на этот раз голос пенсионера был довольно бодр, если не сказать – весел, что подчёркивалось особенным, порой присущим некоторым людям, грассированием и мажорностью тона. Оказалось, что хомячок «приказал долго жить».

– Вы пхрдеставляете, хребята, что это мехрзкое животное совехршено не собхражало, что можно кушать, а что нельзя, куда можно ходить, а куда не следовало бы... Это его и погубило. Вчехра оно выбежало на балкон и... – ветеран сделал произвольный жест ногой, резко повернув носок башмака в сторону, оставляя пятку на месте, прижатой к полу, чем вызвал взрыв смеха у окружающих слушателей.

А плотный брюнет средних лет – ведущий конструктор, внёсший достойную лепту в оснащение и модернизацию всем известных теперь салонных багажных полок – нарочито удивлённо спросил:

– Как же так... ай-я-яй... уважаемый всеми человек... и так коварно... – при этом он карикатурно повторил произведенный пенсионером жест стопой ноги, – спровадил бедное животное с высоты своего многоэтажного дома?!

Все кругом ржали, а шутивно уличённый ветеран, смущенно посмеиваясь, оправдывался:

– Хи-хи... нет, вы не так меня поняли, дхрузья... хи-хи, оно – само... хи-хи, свалилось... Жалко, конечно, несчастную звехрушку, внучок потом очень хростхраивался, хи-хи, – притворно скорчив скорбную мину, весело объяснял пенсионер. Народ ещё долго потешался над незадачливым рассказчиком...

К вечеру того дня по случаю праздничного взлёта начальство отпустило всех на часик пораньше. Некоторые работники поспешили отметить сие знаменательное событие в близлежащих заведениях. Одни – в пельменной, рядом с фирменным магазином «Синтетика» у Лазовского переулка (переименованного в ул. Константина Симонова), другие – в чебуречной, что находилась напротив МАДИ; её как раз предпочёл с приятелями ведущий конструктор по багажным полкам. Молодому конструктору также доводилось неоднократно бывать в обоих упомянутых пунктах общепита, как и в знаменитом «освежающем» заведении «Семь дорог», располагавшемся в самом начале родной Красноармейской улицы у неподражаемого Петровского Путёвого Дворца академии Жуковского...

Но в тот день он пошёл на курсы автошколы, которые размещались в подвале подведомственного заводу дома, недалеко от проходной. Прослушав там «пару» о правилах дорожного движения, жаждущий знаний студент поспешил на вторую «пару», уже в школу на Ленинградском проспекте, где филиал МАИ арендовал вечерами классы.

После окончания занятий он выпросил тетрадку – переписать пропущенную лекцию предмета первой «пары» – у симпатичной, давно нравившейся ему, сокурсницы с шикарными тёмно-каштановыми волосами и бирюзово-голубыми глазами... При этом парню пришлось прогуляться с девушкой по вечерней, шепчущей листвой, аллейке и даже проводить спутницу домой (благо жила она неподалёку, у ленинградского рынка)... а потом (впоследствии) и... жениться на ней...

Осталось неизвестным, понравилась ли их удивительная пепельница министру обороны... Но судя по тому, что премию они получили, наверное, да... С неиссякаемой теплотой и порой – жалостью вспоминаются ему родной завод (постепенно теряющий былое величие), душевный коллектив КБ и прошедшие дни, упорхнувшие, как та огромнокрылая блестящая птица с Ходынского поля...